

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 107–125.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 1. P. 107–125.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-107-125

КРЫМСКАЯ ВОЙНА, УВИДЕННАЯ ИЗ «ИМЕНИЯ ПРИ БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ» (ОЧЕРКИ И ПИСЬМА Н. С. СОХАНСКОЙ)

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) Российской академии наук,

Санкт-Петербург, Россия, betsy98@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

 Аннотация. В статье рассматривается малоизвестный пример женского взгляда на войну — отклики на события Крымской войны в очерках, рассказе и письмах Н. С. Соханской (1823–1884), с 1856 года пользовавшейся литературным псевдонимом Кохановская. Это и непосредственные наблюдения писательницы, жившей на степном хуторе в Харьковской губернии, которые нашли отражение в небольшом цикле «Писем из Малороссии», и мемориальный цикл «севастопольских впечатлений», созданный перед самой Русско-турецкой войной 1877–1878 годов и оказывающийся как нельзя более актуальным в наши дни. Интересный материал представляют записанные Соханской слагавшиеся в народе своего рода стихотворные «фельетоны», высмеивающие противника. Основная задача статьи — проследить, как менялось, углубляясь и «прирастая смыслами», восприятие войны как мученического подвига.

© Фетисенко О. Л., 2024

Ключевые слова: Кохановская (Н. С. Соханская), русская литература, публицистика, Крымская война, отечественная история, поэтика очерка

Ссылка для цитирования: Фетисенко О. Л. Крымская война, увиденная из «имения при большой дороге» (Очерки и письма Н. С. Соханской) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 107–125. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-107-125.

Literature. Philosophy. Religion

THE CRIMEAN WAR, SEEN FROM “THE ESTATE ON THE HIGH ROAD”
(ESSAYS AND LETTERS BY N. S. SOKHANSKAYA)

Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia, betsy98@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Abstract. The article examines a little-known example of a woman’s view of war — responses to the events of the Crimean War in the essays, stories and letters of Nadezhda S. Sokhanskaya (literary pseudonyms: Makarovskaya and Kokhanovskaya). Among the literary reflections under considerations are direct impressions recorded in essays of 1854, and a memorial cycle of “Sevastopol impressions”, which was created just before the Russian-Turkish War (1877–1878). An interesting material is represented by the kind of folk poetic “feuilletons”, ridiculing the enemy. The main objective of the article is to trace how the perception of war as martyrdom has changed and deepened over time.

Keywords: literary work of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya), Russian literature, journalism, Crimean War, history of Russia, poetics of essays

For citation: Fetisenko, O. L. (2024) “The Crimean War, seen from the ‘estate in the high road’. (Essays and letters by N. S. Sokhanskaya)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(1), pp. 107–125. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-107-125.

Прошедший 2023-й был годом 170-летия со дня начала Восточной войны и трех «славянофильских» юбилеев: 220-летия со дня рождения Ф. И. Тютчева, 200-летия со дня рождения его зятя Ивана Аксакова и такой же даты со дня появления на свет сподвижницы последнего в 1860-е годы, писательницы, публицистки и первой в России, а вероятно, и в Европе, женщины-фольклористки Надежды Степановны Соханской (1823–1884; литературный псевдоним с 1856 года — Кохановская). На страницах «Философических писем» юбилей этой писательницы, после окончания с первым шифром Харьковского института благородных девиц почти безвыездно жившей на бедном хуторе Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии, был уже отмечен статьей [Фетисенко, 2023]¹, но творчество ее так многообразно и актуально по затрагиваемым темам, что не лишним будет еще раз обратиться к нему. Утрачены и могила, и богатый домашний архив Соханской², но интерес к ней растет, стало возможным начать издание академического собрания сочинений и писем (в 2023 году вышли первые три тома [Кохановская, 2023–]).

Формула «имение при большой дороге» взята из художественного мира Соханской. Так называлась одна ее ранняя (1844), не дошедшая до нас из-за утраты архива повесть, фрагменты которой использовались в двух произведениях — автобиографии и рассказе «Давняя встреча» [Пономарев, 1898, с. 278]. Возможно, прообразом этого имения был не тот захудалый хутор, где жила Надежда Степановна после института (с 1840 года), а более богатый, *дедовский*, где она родилась, — тоже расположившийся на большой дороге, только в Курской губернии (сейчас это Корочанский район Белгородской области). Хутор назывался Веселый и был весьма живописным, в отличие от Макаровки, стоявшей в голой степи³. По этим дорогам в 1853–1855 годах шли войска в Крым и потом обратно, с войны⁴. В Макаровке часто делались привалы, дневки.

¹ Там же были указаны и работы о писательнице. Напомню лишь об одной — о первой ее биографии [Платонова, 1909]. Подробнее узнать о жизни и творчестве Кохановской можно из моих монографии [Фетисенко, 2021] и появившихся уже после нее статей, легко доступных в Интернете.

² См. о нем: [Пономарев, 1898].

³ См.: [Кохановская, 2023, т. 1, с. 42, 76–77; т. 2, с. 562–563].

⁴ «От Харькова тремя главными путями расходились боевые массы: на слободу Сеньков (Купянского уезда), на село Алексеевское (Змиевского уезда) и средний, прямой путь на Изюм. Артиллерия шла большой столбовой дорогою, кавалерия забирала степнее; по краям главных дорог двигалась пехота. Оставляя почти всегда только свой штаб на главном пути, она рассыпалась по сторонам, попадала всюду: в большие селения и в степные хуторки...» [Соханская, 1854, № 91, с. 447].

Пожалуй, самый известный женский отклик на события Крымской войны — это дневник Веры Аксаковой⁵, но не менее автора этого дневника чуткая к «веяниям времени» Соханская тоже не могла не отозваться на происходящее — и в ряде произведений, и, конечно, в частных письмах (последних, к сожалению, сохранилось немного). Первое время эти отклики редко идут дальше непосредственных впечатлений писательницы, то есть только темы *военной дороги* и встреч на ней, а также женского служения (вроде простого, но тогда столь нужного дерганья корпия). Свою позицию наблюдателя она в одном

Надежда Степановна Соханская. Дагерротип конца 1840-х — начала 1850-х годов. Литературный музей Пушкинского Дома

⁵ См. современное научное переиздание: [Аксакова, 2013]. См. также: [Крымская война ... , 2016].

из очерков выразила так: «...перед своим собственным сознанием я хочу отвечать только за то, в чем могут поручиться мои глаза и уши — и потому касаюсь только затаенного мира небольших малороссийских хуторков, обсеяющих степные балки — иногда один колодезь, и возвещающих о себе на большую дорогу разве только крыльями своей ветряной мельницы» [Соханская, 1854, № 125, с. 617]. В другом месте Соханская сравнивает свои очерки с подобранной на дороге подковой:

«Когда —

...от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал
До пламенной Колхиды —
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая⁶,

встала вся наша русская земля, движется, идет, то надобно же быть отголоскам от этого могучего, исполинского шага — хотя звону оброненной на пути подковы — и я именно поднимаю эту подкову и препровождаю ее к вам» [Соханская, 1854, № 91, с. 447].

Печатные отклики ее, современные самой войне, — это два очерка, помещенные в «Санкт-Петербургских ведомостях» за подписью «Макаровская», отсылающей к месту ее жительства, — «Письмо из Малороссии» и «Еще письмо из Малороссии». Датированы они 20 и 27 марта 1854 года, посланы в Петербург, вероятно, были одновременно, причем без сохранения черновиков, однако напечатаны с большим временным промежутком: 27 апреля и 8 июня [Соханская, 1854, № 91; № 125]. (Позднее она послала в ту же газету какую-то заметку о Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, но та не была помещена⁷.) В первом очерке «изображается время передвижения русских войск на театр войны» [Платонова, 1909, с. 80], красочно повествуется, как в декабре 1853 года полки вступали в Харьковскую губернию и шли непрерывно три месяца. Более всего писательницу интересует, с каким настроением их встречали, принимая на постой, и помещики, и народ.

⁶ Цитата из стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831).

⁷ Намек на это есть в письме к А. В. Плетневой, жене литературного наставника Соханской П. А. Плетнева, от 9 июня 1855 года (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 49). Газета была выбрана потому, что здесь при посредничестве того же Плетнева уже были помещены два произведения Соханской: повесть «Первый шифр» (1850, подпись: Надежда. —) и рассказ «Вот случай!» (1851, подпись: Надежда) [Кохановская, 2023, т. 1, с. 573, 594].

Прошли легионы мирно и стройно, без замешательств, без малейшего столкновения {...} мы как бы доселе не сознавали своей силы и вот только она явилась нам, когда прошла перед нами во всеоружии той высокой мысли, которая двинула ее по беспредельному Царству... {...} Мы знаем по преданиям, как пылко бились благородные сердца отцов наших при одном слове Благословенного *Александра*; но как бы ни высоки были их чувства, мы не отдадим за них того сознательного величия, которое льется на нас от Особы нашего Монарха — и мощно-спокойного, высокого чувства доверия, которое, истекая от Него, к Нему же и возвращается...

[Соханская, 1854, № 91, с. 447]⁸

Но Соханская не была бы интересна, если бы ограничилась только патриотическим восторгом. Ее, взволнованную замечанием кн. П. А. Вяземского: «Наша народная память незаботлива...»⁹, занимает другое:

...неужели у нас нет живых, родных голосов, которые отозвались бы, нет людей, которые повнимательнее приглянулись бы к этим событиям, уловили бы их выразительные частности, их яркие, характеристические особенности? {...} Какие пособия готовим мы будущему своему историку? А между тем русская чистая жизнь так и брызжет теперь изо всех пор — изо всех слоев общества и классов народа. Анекдоты, заметки, говор людской, картины развернувшейся души русского человека — разве это так мало, что и говорить об этом не стоит?

[Соханская, 1854, № 91, с. 447]

И она во множестве приводит «анекдоты» и «заметки», крайне интересные и живые. Когда, например, «военная поселанка» говорит, что было «тя-

⁸ Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит Соханской.

⁹ «Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощаясь суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет в себе места для преданий вчерашнего» [Вяземский, 1848, с. 20–21]. Начало этой цитаты Соханская-Макаровская приводила в своем первом очерке [Соханская, 1854, № 91, с. 447], а во втором, уже без указания источника, подхватывала другой посыл из той же полюбившейся ей книги («Фон-Визин» послужил побудительным толчком к написанию документальной хроники «Старина») — о необходимости создания «литературы фактов»: «Если бы мы не упустили из вида подобных поводов, не давали им замолкать беспечно, у нас была бы зрелая отечественная литература фактов, живых заметок, родного нашего осязательно-присущего духа, которой литературы... я не говорю, что у нас ее нет, а желательно бы, чтоб она была» [Соханская, 1854, № 125, с. 617]. Ср. у Вяземского: «Признаюсь, большую часть так называемой изящной словесности нашей отдал бы я за несколько томов записок, за несколько Несторских летописей тех событий, нравов и лиц, коими пренебрегает история. Наш язык, может быть, не был бы столь обработан, стих наш столь звучен; но тогда была бы у нас не одна изящная, но за то и голословная, а была бы живая литература фактов, со всеми своими богатыми последствиями» [Вяземский, 1848, с. 52].

желенько немного», да уж надо «помогать *Царю*», то это значило: «...в течение трех месяцев, от шести до осьми человек ежедневно принять, накормить их в обед и ужин, на утро дать позавтракать, проводить и опять других принять». «Нам начальство-то, пожалуй, приказ отдает, чтоб мы только приварок один давали; да разве, матушка, (...) души христианской нету, что я ему куска пожалею?» [Соханская, 1854, № 91, с. 447].

Жемчужина первого очерка — ходившее в Слободской Украине в списках стихотворение «Рада Абдулова» (то есть совет турецкому султану Абдул-Меджиду, напоминание ему о взятии Адрианополя в 1829 году). Оно очень длинное (даже притом, что приведено Соханской в сокращении). Прочитую только фрагмент, напомнив, что украинская орфография тогда еще не была кодифицирована:

Зибралися руськи полки
Дружно над Дунаем;
Там их сила нечислима —
Се мы добре знаєм.
Чого ж вони там зійшлися?
Чого там бажають?¹⁰
До Абдула в гости иты
Весны дожидають.
(...)
Чи тобі ж таки, султано,
За руськими тягаться?
И війском твоим поганим
Против них збираться?
Забув ма́буť¹¹, що недавно
Твій батько тягався
Та получив прочухана,
Що ледви прочхався¹².
(...)
Послухайся, пане Абдуле,
Та схаменися¹³ в пору:

¹⁰ Желают (укр.).

¹¹ Забыл, должно быть (укр.).

¹² Что едва пришел в себя (укр.). Правильное написание: ледве.

¹³ Опомнись (укр.).

Бо булы¹⁴ мы за Балканом,
Пійдем до Босфору.

[Соханская, 1854, № 91, с. 448]

Во втором очерке от общей панорамы движения «легионов»¹⁵ Соханская переходит к своему хутору, который, принимая воинов, стал «гнездом орлов» [Соханская, 1854, № 125, с. 617]. «Большая дорога» подарила хуторянке нечаянную встречу с земляком отца (казначеем Глуховского кирасирского полка, умершего, когда Надежде было всего три года, не дожив всего нескольких дней до производства в майоры), с молодым офицером-драгуном. «...Когда мы живее и живее разговорились и от предстоящей войны коснулись наших великих прошлых войн, он при каждой называл участником кого-нибудь из своих родных» [Соханская, 1854, № 125, с. 618]. Не исключено, что Соханская думала: будь она несколькими годами моложе, встретила бы на этой военной дороге свою судьбу, суженого. Подобный «подарок» она преподнесла одной из своих героинь.

Мизансцена «имения при большой дороге», встречающего войска (только уже на возвратном пути из Крыма), перенесена в драматизированный рассказ «Сцены мира (игранные в саду на домашнем театре)» (1856; [Кохановская, 2023, т. 2, с. 7–46]¹⁶). Раненый молодой полковник по имени Николай¹⁷,

¹⁴ Потому что были (укр.).

¹⁵ Впрочем, «живопись» такого рода здесь тоже имеется. Не могу не привести большую цитату: «...и было чему подивиться, когда вдруг из-за какого-нибудь степного кургана, по белому слою ранних снегов, выставляло голову что-то черное, неопределенно-грозное; двигалось, росло наподобие громадно изгибающегося по степи чешуйчатого змея; но змей этот не полз, а тяжелым топотом лошадиных копыт наступал на нас и ржал так, что пробуждалась окрестность... Не любопытен только, а удивителен был посреди мирной нашей пустынности этот в колонну свернутый боевой строй, блеск, вспыхивающий по нем, зыблющееся мало-помалу его мерное течение и стон земли под ним — с неуловимым каким-то бряцаньем, шорохом, гулом, увеличивающимся, всё заливающим в своем приближении... Холод какой-то приливал к сердцу. И не это одно: топот, ржание, боевая краса полков, порождали в душе чувство прекрасного и ужасного; но и какие милые картины улыбались в лицо грозному ополчению войны, когда наутро вступившие вчера эскадроны выступали от нас; наши хуторские домики превращались в главные военные квартиры; пред ними строились ряды; у маленького крылечка выбивался снег, взвивались вороньи кони; но мир, но сладость его не вся была потеряна: тут же и голуби перелетали по крылечку, и солдат одной рукой держал под уздцы боевую лошадь, другой, случалось, бросал им крошки дорожного пирога, сунутого ему ласковой хозяйкой» [Соханская, 1854, № 125, с. 617]. Поразителен этот переход в одном абзаце от картины грозно надвигающегося «змея» к мирным голубям.

¹⁶ Впервые опубликовано: Сын отечества. 1857. 6 янв. № 1. С. 10–20.

¹⁷ Его имя читатель (вместе с героиней) узнаёт далеко не сразу, и, естественно, в тексте обыгрывается соименность персонажа покойному Государю: «О, великое, незабвенное имя!» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 32]. После этого первоначально чопорно-строгое отношение степной барышни к полковнику начинает заметно теплеть.

что называется, с первого взгляда обретает в дочери хозяйки имения свою суженую, венчается с ней, призвав полкового священника, и оставляет, чтобы продолжить свой поход. Та с твердостью древней римлянки («О, моя римлянка!» — так и обращается к ней герой в финале) принимает свою участь, только поправив мужа: «Я — русская...» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 46]. В рассказе много автобиографических деталей. Вот лишь одна из них. Любимый брат Надежды Степановны Павел служил в армии, в пехоте, и по возрасту должен был бы участвовать и в Крымской войне, если бы не погиб от холеры во время Венгерского похода 1849 года, о чем мать и сестра узнали лишь через несколько месяцев¹⁸. Вот как эта черточка из семейной истории введена в рассказ. Мать главной героини продолжает оплакивать нелепую гибель любимого сына (интересно, что писательницей сохранено даже его подлинное имя¹⁹) и особенно переживает как будто стыд за то, что их семья ничего не принесла в великую общую жертву:

...не довелось Павлу моему положить голову на родной севастопольской войне (...) Лег он, мой цвет дорогой, подкошенный на чужой земле! (...) Я бы вполвину так не горевала. Положил он свою голову, пусть бы и положил ее: тысячи их положили — мученики святые прикрыли грудью Русскую землю. Я бы вместе и молилась за них, как за мучеников... В святцах есть: *дву тем²⁰ мученик от Диоклитиана нечестивого в некоем озере воднем²¹ утопленных*; а наш Севастополь озеро не водное, а огненное... (...) нам с тобой, Наташенька, честно бы было на людей посмотреть (...) что и от нас есть слуга Царю и защита отечеству; а теперь что мы с тобой такое? Обсевок в русском великом поле.

[Кохановская, 2023, т. 2, с. 8–9]

Вспоминая этот полурассказ — полупьесу, признаюсь, не самое удачное в творчестве Соханской произведение, стоит упомянуть еще одну деталь, свидетельствующую о росте ее мастерства по сравнению с самыми ранними дошедшими до нас ее опытами. Это касается темы военных рассказов. Если в

¹⁸ Соханская писала тогда А. В. Плетневой: «Мой брат умер! У меня будто умерло всё; я сирота в жизни. Боже мой, Боже! я думала, что этой привязанности станет мне на всю жизнь. Это было мое солнце, моя радость, мое всё. Я думала о своем Паше, как люди думают о счастье, и Паша мой лежит неведомо где, на чужой стороне, и ни родного поцелуя на твою милую, брат мой милый, твою молодую, остывшую голову!» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 9).

¹⁹ Главную героиню же Соханская назвала Наташей, то есть отчасти сделала своей тезкой: ее собственное домашнее имя было Ната, поскольку Надя уже была в семье (так звали одну из ее кузин).

²⁰ Две тысячи (*церковнослав.*).

²¹ Водном озере (*церковнослав.*).

ранней повести «Майор Смагин» (1844), написанной в духе романтических повестей Марлинского и с многочисленными отсылками к творчеству Жуковского, прослуживший несколько лет на Кавказе герой с большим пафосом («Сладко страдать за отчизну») и многословно рисует перед благодарными слушателями свои военные подвиги [Кохановская, 2023, т. 1, с. 288–292], то в «Сценах мира» полковник вовсе не поддается на уговоры прекрасной собеседницы что-нибудь рассказать о *своей* войне («А чего бы вы желали? Чтоб я вышел на середину комнаты и, размахивая мечом картонным, начал вам возглашать о своих подвигах: что вот то я и другое я (...) Извините, Наталья Алексеевна, я не француз, а русский человек. (...) и в герои романов Дюма не гожусь...» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 32]) и, напротив, даже подшучивает над собой: «...я, как некий капитан Копейкин, в некотором роде, проливал кровь за отечество...» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 31]. За этой «фигурой умолчания» большая жизненная правда.

Только два рассказа полковник позволит себе. Сначала это воспоминание о том, как в первую ночь, когда «замолкли наши и неприятельские пушки», он был разбужен «густой тишиной»: «...я услышал, как возле меня на столике шли мои карманные часы, и они-то разбудили меня, когда лопающиеся гранаты и бомбы мало могли будить нас!» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 33]. И в третьем действии, когда герой, покинувший свою молодую жену в день свадьбы, на часок прискачет к ней ночью с привала, он вдруг перед прощаньем вспомнит об одном своем «крымском дне». Во время неудачной вылазки, прорываясь к своим, он прыгнул в яму, где обнаружил малоросса, назвавшегося пластуном Омелько, потом скрывался с ним за каким-то камнем и вместе благодарил Бога за дождь, который и напоил, и «освежил головы, грозившие треснуть от жара и боли» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 43–44]. И далее выясняется, ради чего велся весь этот рассказ о долгом и трудном дне: вечером казак запел, забыв о голоде, об опасной близости врага.

И Боже мой! что за сила была в этих грудных низких тонах — в этом пении, более похожем на ворчанье, и в тиликанье балалайки перед заходящим солнцем, сверкающим морем и перед грозным лицом Севастополя, закутывающимся в туманы из порохового дыма. (...) Песня была одна из героических песней казачества. В ней не было мелкой похвальбы о какой-либо удаче — нет! мужество в высочайшей силе своего сознания, равно великое — побеждать ли, или умирать — пело: «что его казацкая слава дыбом по свету стала. А казаки? Где они, что не видно чубатых? Тоскуют сизые орлы и сизые кречеты по ним; плачет кукушка, шумит крыльями ворон... Вон они; кости хрустят, в щепы из-

битые сабли бренчат; а чубы? в крови позапеклись, словно сам черт из них жгуты повил... Вот так казаки добылись: славы набрались!..»²² И мы то же самое можем сказать о себе: «Вот так добылись — славы набрались!..»

[Кохановская, 2023, т. 2, с. 44–45]

Кажется, лучшего образа для подведения итогов Крымской войны, где не отличить «пораженья от победы», и не придумаешь...

Что касается *эпистолярных* откликов Соханской на Крымскую войну, их от этого периода сохранилось очень мало. В неизданных письмах к П. А. и А. В. Плетневым есть отклик на кончину Николая I и воцарение его сына, на 11-дневный плен сестер Крестовоздвиженской общины: «...много надобно молить у Бога силы души, чтобы пережить эти страшные и страмные дни Европейского Просвещения...» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 49–49 об.)²³. Среди писем к своему брату-малороссу Г. П. Данилевскому (имение этого писателя было в 40 верстах от Макаровка, в степных просторах это считалось «по соседству») находим письмо от 29 апреля 1854 года с отголоском известной бомбардировки Одессы в Страстную пятницу. Соханская цитирует разговоры подбадривающих себя хуторян: «...интересно послушать, как рассуждают ваши земляки²⁴. “Хотя бы и совсем смели Одессу, России это всё равно, что вот эту рюмку разбить”... Пример, разумеется, находится под рукою» [Фетисенко, 2021, с. 304]. А дальше в том же письме она обращается к своей излюбленной этнографии и приводит еще один пример малороссийского песенного осмысления происходящих исторических событий. Снова, как в мартовском «Письме из Малороссии», поминается султан Абдул, который «губы надул та й думку гадае» о том, «что его войско турецкое поробляе²⁵: сколько оно москалив побилло и човнов их потопило...», и сучит аркан «На пан-отця, / На Воронця» (то есть на светлейшего князя М. С. Воронцова, новороссийского и бесарабского генерал-губернатора):

²² Пластун Омелько пел известную казачью песню «Ой пішли козаки на чотырі поля...»; см. коммент.: [Кохановская, 2023, т. 2, с. 732].

²³ Письмо к А. В. Плетневой от 9 июня 1855 года.

²⁴ Любопытно здесь, пожалуй, это «*ваши*» по отношению к малороссу Данилевскому. Соханская, «великоруска» лишь на четверть, если не менее (лишь по бабушке со стороны матери, у которой, в роду Алисовых, впрочем, были и какие-то литовские корни), подчеркивает свою «не-украинскость», как сделала это, адресуясь к Плетневу, и в своей автобиографии, «забыв» и о вольнянах Лохвицких (предках ее матери), и о другой своей бабушке — польке: «...мой папенька — настоящий малороссиянин — черниговец; но я — русская» [Кохановская, 2023, т. 1, с. 42]. Но справедливости ради надо упомянуть и о том, что во многих письмах и в своих произведениях Надежда Степановна, напротив, выделяла свое «родство» с «милой Украйной» и московскими славянофилами воспринималась именно как «дочь Украйны».

²⁵ Подельывает (*укр.*).

Сучи аркан,
 Дурный султан,
 Та скручуй тученько:²⁶
 Бо туркам всим
 Висить на ним
 Приїдется довгенько.
 [Фетисенко, 2021, с. 305]

В письме к Данилевскому от 27 октября 1857 года Соханская просит прислать ей стихотворение А. С. Хомякова «К России» «по случаю нынешних событий» [Фетисенко, 2021, с. 313]. Вот, пожалуй, и все, что удалось выявить. Гораздо больше об отношении Кохановской к Крымской войне можно узнать из позднейшей ее рецепции — очерков, написанных для петербургской газеты «Русский мир»²⁷.

Кохановская и дочь ее подруги М. В. Вальховской (жены декабриста) А. В. Носова²⁸ совершили путешествие в Крым в 1876 году. Оно длилось целый месяц и для Кохановской являлось своего рода христианским паломничеством. Братские могилы Севастополя для нее если не прямо «могилы святых», то, по крайней мере, «могилы, освященные мученичеством» [Соханская, 1889, с. 362]²⁹. Думается, что к памяти Крымской войны, конечно, до конца и ранее не исчезавшей³⁰, ее заставили обратиться «Болгарские ужасы» 1875 года. Вдове

²⁶ Да закручивай потуже (укр.).

²⁷ В этом издании произведения ошибочно были опубликованы как «Очерки Н. Кохановской», тогда как псевдоним автора не имеет инициалов. Подобную ошибку часто допускают исследователи и в наши дни. В списке источников, однако, приходится придерживаться написания «Русского мира».

²⁸ Отмечу, что муж А. В. Носовой, А. А. Носов (1830–1889, по др. свед. 1892), был одним из первооткрывателей Донецкого угольного бассейна.

²⁹ Письмо к С. И. Погодиной, вдове М. П. Погодина, от 28 мая 1876 года. В одной из глав севастопольских очерков есть фрагмент о глубоком смысле самих этих названий «братское кладбище», «братские могилы»: «Мало ли какими нарицательными именами можно бы было их назвать? И “общими могилами”, и “солдатскими могилами”, и “могилами нижних чинов”, и, наконец, мы, такие рабские ученики цивилизованной Европы, могли бы позаимствовать у полубога ее славы известное выражение: *la chair aux canons* (пушечное мясо, фр.), и оставить эти кучи мяса человеческого, уже отслужившего свою службу пушкам, оставить их просто кучами, без всякого названия. Но нет, нет! Наша русская отсталость в обще-европейском прогрессе еще сохраняет нам основные человеческие чувства, прирожденные от Адама, а не от обезьяны, и эти могилы — без различия лиц, имен, чинов и состояния людей убитых и похороненных вместе — имеют одно себе, всем данное и всем равное, название: “Братские — братские могилы”! / Кто мог сочинить, придумать это название? Таких глубоких изъявлений народного духа не сочиняют; а они сказываются сами собою, как свет и дыхание внутренней жизни» [Кохановская 1877, № 86, с. 1].

³⁰ Известно, например, что в мае 1868 года Кохановской был задуман рассказ «Севасто-

Погодина Кохановская писала 7 декабря 1875 года: «...более *настоящего дела*, как это родное мученическое дело, славянское, для нас не может быть» [Соханская, 1889, с. 359]. В предчувствии близкой новой войны ей особенно хотелось посетить «русскую Голгофу», как называли Малахов курган:

...Я стремилась к месту, где стоял Севастополь, чтобы всеблагоговейно стать при нем и сказать себе: „земля святая!“ и поклониться лицом до земли великой памяти тех, кто освятил эти горы и это море — груды и пепел севастопольских развалин — освятил их тем, что во все века и у всех народов принято быть величайшею жертвою: кровию человеческою, которая вопиет от земли на небо и которая лилась и проливалась здесь, как ненужная вода.

[Кохановская, 1877, № 36, с. 1]

Во время Сербской войны 1876 года и последовавшей за ней войны Русско-турецкой, «когда залилась мученическою кровью славянская земля, когда всякое русское сердце дрогнуло и заболело родною святою болью» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 120)³¹, Кохановская развернула большую, как сейчас бы сказали, волонтерскую деятельность. В ее доме шили солдатское белье и щипали корпию, собирали подарки и пожертвования, которые потом отправляли в Харьковское отделение Красного Креста. 4 ноября 1877 года Соханская рассказывала одной из своих подруг:

Ко мне сносят все эти жертвы кусочков полотна, старых рубаш, сходятся по праздникам щипать корпию; приносят читать письма от местных солдат; я пишу ответы, объясняю, рассказываю о войне; воодушевляю, пою чайком, собираю, соединяю, и вот из всех этих мирских крох я получила великую отраду отправить вчера обществу харьковского отделения Красного Креста, для препровождения в Яссы, большой тюк поболее пяти пудов. Дойдет ли он только по назначению? Вот вопрос.

[Соханская, 1889, с. 363]³²

В такой примерно обстановке в Макаровка и писались севастопольские очерки. Полный текст первой их части появился не сразу после возвращения из Крыма, а ближе к концу 1876 года или даже в самом начале января 1877-го [Пономарев, 1898, с. 288]. 2 февраля 1877 года Кохановская сообщила А. В. Носо-

польский герой» [Пономарев, 1898, с. 283].

³¹ Письмо к А. В. Плетневой от 19 ноября 1876 года.

³² Здесь письмо ошибочно отнесено к 1876 году.

вой: «Я написала что-то вроде писем, адресованных людям Русского Мира³³ о своих Севастопольских Впечатлениях и послала половину на пробу в Русский Мир и получила телеграмму с большою благодарностию. Теперь мне нужно кончать эти письма и писать о *Малахове...*» (РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 1306. Л. 1 об.–2).

Трехстраничный ответ на телеграмму «Русского мира», датированный 30 января, открывал тетрадь для писем и заметок 1877 года [Пономарев, 1898, с. 288]. В тот же день Кохановская взялась за продолжение очерков. По некоторым данным можно предположить, что часть текста не была напечатана, затерялась в редакции.

Всегда внимательная к архитектонике, из всего путешествия Кохановская выбрала лишь несколько самых важных эпизодов и географических точек (Севастополь и Алупка), акцентировав мемориальную тему: что произошло с Севастополем за 20 лет после войны, как выглядит город, как в нем хранится или — на тот момент — лучше сказать «не хранится» память о «русской Голгофе». Военная столица Крыма предстает перед ней как «город могилы и слез» [Кохановская, 1877, № 36, с. 1], где, несмотря на внешнюю бодрую деятельность (вроде строительства железнодорожных туннелей), царит запустение, где «слава залегла костью в ужасающих развалинах» [Кохановская, 1877, № 36, с. 1] и про сам Малахов курган горожане говорят, что туда не стоит ехать: «Там ничего нет и смотреть нечего» [Кохановская, 1877, № 85, с. 1]. Бодро восстанавливаются частные владения, но в обожженных черных руинах остаются здания государственные, а пока это так, «напрасно всё частное обновление Севастополя» [Кохановская, 1877, № 37, с. 2].

Смертное запустение коснулось на этой земле-мученице и самой природы:

...татарские кочевые орды хвалились и гордились тем, что где ступила нога татарина, там три года трава не растет. Но стопа цивилизованных народов Европы оказывается не в пример тяжелее пяты татарина. Двадцать лет, а не три года, прошло, как разгромлен и попран лежит Севастополь, а на его развалинах буквально трава не растет. Ни вся жизнедательная сила южной природы не могла вызвать растительность из груд сваленных, обожженных, вывороченных камней, перемешанных с чугуном и железом! Ни одичалая виноградная

³³ Фраза многозначна: речь, конечно, идет не о «редакции „Русского мира“», или не только о ней, но о русской ойкумене. Это отсылает и к началу очерков: «Хочу поделиться с миром русских людей родным, великим, печальным впечатлением, захватывающим душу... я была в Севастополе» [Кохановская 1877, № 36, с. 1]. Очерки начали печататься еще до объявления войны. О том, что вызвало публицистические отклики Кохановской во время самой, вскоре начавшейся, войны, см.: [Фетисенко, 2021, с. 256–262].

лоза, с ее удивительно подходящим сюда, символическим гроздом, из которого страшным точилом войны выжато было дорогое вино тысячи тысяч жизней, — ни наш простой хмель не повился по обваленным, распатанным стенам, — ни даже плющ, который приживается в Крыму к самым обнаженным, черным базальтовым утесам и упругую зеленою сетью стелется по ним, — ни плющ даже не одел вершка севастопольской развалины! Всё голо, печально, уныло. (...) Стоит как бы какое-то затишье невыразимой скорби, и в нем (...) севастопольские развалины стоят и остаются развалинами нагими, величавыми, мертвыми, которые будто даже и не просят жизни... да и что им может дать эта будничная, рыночная жизнь взамен их славной, великой, мученически-святой смерти? Нет! великая *вечная память* так будто и стоит, и обносится вокруг этих разбитых стен, вокруг громадных остовов домов без крыш, все до единого, зияющих глубокими ранами целого ряда вышибенных напролет окон и дверей — столько дверей! — открытых и не затворенных смертью...

Вот Севастополь, который остался нам, чтобы мы приходили к нему и плакали над своим великим мертвецом!.. (...) Господи! да что же это такое? подумаешь, что Пелиссье³⁴ только три дня оставил город, и его можно еще догнать, коли пуститься за ним вдогонку.

[Кохановская, 1877, № 36, с. 1]

Предметом второй части цикла стали «самое велико-печальное — это Малахов и самое умиленное — Кладбище» (РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 1307. Л. 2). Малахов курган — весь в страшных ямах, рывинах³⁵, заросший «ржанцем», травой, похожей на рожь (что закономерно потом вводит в текст мотив жатвы смерти, «жатвы великой, собранной и связанной в снопы столько могил...» [Кохановская, 1877, № 86, с. 1]), в которой... плодятся кролики сторожа, заставившие горько улыбнуться чуткого к слову автора. Дело в том, что кроликов этих в народе называют «трусиками»: «Больше этой издевающейся жизненной игры противоположностей не придумать, не пригадать, не рассказать в сказке нельзя!» [Кохановская, 1877, № 86, с. 1].

Перед тем как от картины городского запустения перейти к описанию заброшенного тогда Малахова кургана, Кохановская, давая отдых читателю,

³⁴ Имеется в виду командующий французскими силами под Севастополем маршал Жан-Жак Пелиссье (1794–1864), получивший в 1856 году титул герцога Малаховского.

³⁵ «...Вся святая земля Малахова кургана рыта-перерыта, копана-перекопана, вся выворочена и брошена в запустении! Вы думаете войною? Да и нет. (...) вся стая мелких любостыжателей, как одна спущенная свора, набросилась на место, к которому приникала вся Россия с трепетом благоговения. На этом смертном одре Севастополя жадные гробокопательские руки поставили всё вверх дном» [Кохановская, 1877, № 85, с. 1].

посвятила несколько глав райской природе Крыма³⁶ — «царству роз» и миндальной роще в Мисхоре, бегущим к морю ручейкам, ночи — словно ожившей картине феодосийского мастера Айвазовского. Но Кохановская изменила бы себе, если бы только умилялась картинам рая, забыв о том, по какой земле она путешествует. Смесь горькой иронии, гнева и (в заключительном нравственно-примиряющем аккорде) мудрой рассудительности звучит в главе, посвященной встрече с обосновавшимся в Крыму в качестве приходского священника бывшим иеромонахом Святогорского монастыря, во время войны чудом избежавшим смерти на одном из военных кораблей³⁷. Целая глава, отведенная этому, как Кохановская назвала иеромонаха-садовода, «черному лебедю», появилась не случайно, поскольку сквозной мотив всего цикла очерков — приниженность и бездействие Православной церкви в тогдашнем Крыму³⁸.

Несмотря на то, что в путевых очерках Кохановской не было никаких явных отсылок к современным событиям, они как нельзя лучше отвечали ситуации ожидания войны и ее начала. Призывая к воскрешению памяти о великой крымской «жатве», напоминая о Корнилове, Нахимове, Лазареве, о 120 тысячах погребенных только на севастопольском Братском кладбище³⁹, с одной стороны, эти путевые «впечатления» вдохновляли к восстановлению русской славы, с другой — предвещали и заранее оплакивали грядущую скорбную жатву.

³⁶ Тема райского сада потом будет развита ею в очерке «Братские могилы» [Кохановская, 1877, № 92].

³⁷ Писательница, разумеется, не назвала его имени, но оно легко устанавливается: слишком ярка первая часть биографии этого духовного лица. Это был иеромонах Никандр (в миру Калашников; 1817–1884). В 1853 году он был переведен из Святогорского монастыря в Балаклавский Георгиевский и 1 марта того же года командирован в 33-й флотский экипаж на флагманский корабль «Чесма», в 1854–1855 годах исполнял священнические обязанности на севастопольских бастионах, в 1856 году вернулся в монастырь, а в 1858-м, по прошению светлейшего князя С. М. Воронцова, был «командирован» настоятелем Михаило-Архангельской церкви, которая считалась домовою церковью Воронцовых. С 1859 года о. Никандр уже официально стал настоятелем этого храма. (Позднее прихожанами этого храма станут Н. Я. Данилевский и Д. А. Милютин.) Храм был разрушен оползнем и разобран в 1896 году, построенная на его месте пятиглавая церковь, освященная в 1908 году, сильно пострадала во время землетрясения 1927 года, в 1932 году была закрыта; сейчас восстановлена из руин и достроена.

³⁸ Писательницу, например, глубоко возмутило, что на Братском кладбище не принято было служить в обычный день панихиды и даже неоткуда было позвать священника.

³⁹ Соханская переписала с памятных досок и воспроизвела в своем очерке всю страшную «статистику» погибших целыми полками.

Список источников

Аксакова В. С. Дневники. Письма / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2013. 592 с. (Славянофильский архив. Кн. 2).

Вяземский П. А., кн. Фон-Визин. СПб.: Тип. Департамента внешн. торговли, 1848. 468 с.

Кохановская Н. [Соханская Н. С.] Братские могилы // Русский мир. 1877. 8 апр. № 92. С. 1–2.

Кохановская Н. [Соханская Н. С.] Малахов курган // Русский мир. 1877. 1 апр. № 85. С. 1; 2 апр. № 86. С. 1.

Кохановская (Соханская Н. С.). Полное собрание сочинений и писем: в 7 т. / под ред. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2023 — изд. продолжается. Т. 1–3.

Кохановская Н. [Соханская Н. С.] Севастопольские впечатления // Русский мир. 1877. 8 февр. № 36. С. 1; 9 февр. № 37. С. 2–3; 10 февр. № 38. С. 1–2.

Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб.: Росток, 2016. 464 с.

Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биогр. очерк. СПб.: Сенатская тип., 1909. 234 с.

Пономарев Ст. [И.] Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Т. 49, янв. С. 277–312.

[Соханская Н. С.] Еще письмо из Малороссии // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 8 июня. № 125. С. 617–619 (подпись: Макаровская).

[Соханская Н. С.] Письмо из Малороссии // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 27 апр. № 91. С. 447–448 (подпись: Макаровская).

[Соханская Н. С.] Письма Н. С. Кохановской к С. И. Погодиной / сообщ. А. Д. Погодиным // Русский вестник. 1889. № 1. С. 358–370.

Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2021. 424 с.

Фетисенко О. Л. XVIII век — «новое время» или «наше средневековье»? Художественная археология Кохановской (Н. С. Соханской) (К 200-летию со дня рождения) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 123–139.

Архивы

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

References

Aksakova, V. S. (2013) *Dnevniki. Pis'ma [Diaries. Letters]*. Ed. by T. F. Pirozhkova. St. Petersburg: Publishing house “Pushkinskij Dom”.

Vyazemskij, P. A., Prince (1848) *Fon-Vizin*. St. Petersburg: Printing house of the Department of Foreign Trade.

Kokhanovskaya, N. [Sokhanskaya, N. S.] (1877) “Bratskie mogily” [“Mass Graves”], *Russkij Mir [Russian World]*, 8 April, 92, pp. 1–2.

Kokhanovskaya, N. [Sokhanskaya, N. S.] (1877) “Malakhov kurgan” [“Malakhov Kurgan”], *Russkij Mir [Russian World]*, 1 April, 85, p. 1; 2 April, 86, p. 1.

Kokhanovskaya (Sokhanskaya, N. S.) (2023) *Polnoye sobraniye sochinenii i pisem: v 7 tomakh [Complete works and letters: in 7 vols]* (vol. 1–3). Ed. by O. L. Fetisenko. St. Petersburg: Vladimir Dal'. [The publication continues].

Kokhanovskaya, N. [Sokhanskaya, N. S.] (1877) “Sevastopol'skie vpechatleniya” [“Sevastopol Impressions”], *Russkij Mir [Russian World]*, 8 February, 36, p. 1; 9 February, 37, pp. 2–3; 10 February, 38, pp. 1–2.

Dmitriev, A. P. and Fedorov, D. A. (eds) (2016) *Krymskaya vojna v istorii Rossii i v zhizni slavyanofil'skogo semeistva. Perepiska Very Aksakovoi i Marii Kartashevskoi (1853–1856) [The Crimean War in the History of Russia and in the Life of the Slavophile Family. Correspondence between Vera Aksakova and Maria Kartashevskaya]*. St. Petersburg: Rostok.

Platonova, N. N. (1909). *Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya). 1823–1884. Biograficheskij ocherk [Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya). 1823–1884. Biographical Essay]*. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.

Ponomarev, St. [I.] (1898) “Opis' bumag, ostavshikhsya posle N. S. Sokhanskoj (Kokhanovskoi)” [“Inventory of Papers left after N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)”], *Russkoye Obozreniye [Russian Review]*, January, 49, pp. 277–312.

[Sokhanskaya, N. S.] (1854) “Eshche pis'mo iz Malorossii” [“Another Letter from Malorossiya”], *Sankt-Peterburgskij Vestnik [St. Petersburg Herald]*, 8 June, 125, pp. 617–619.

[Sokhanskaya, N. S.] (1854) “Pis'mo iz Malorossii” [“Letter from Malorossiya”], *Sankt-Peterburgskij Vestnik [St. Petersburg Herald]*, 21 April, 91, pp. 447–448.

[Sokhanskaya, N. S.] (1889) “Pis'ma k S. I. Pogodinoi” [“Letters to S. I. Pogodina”], *Russky Vestnik [Russian Herald]*, 1, pp. 358–370.

Fetisenko, O. L. (2021) *Kokhanovskaya: “Stepnoj tsvetok” russkoj slovesnosti: Teksty i konteksty N. S. Sokhanskoj [Kokhanovskaya: “The Steppe Flower” of Russian Literature. Texts and Contexts by N. S. Sokhanskaya]*. St. Petersburg: Publishing house “Pushkinskij Dom”.

Fetisenko, O. L. (2023). “18th century — ‘Modern Times’ or ‘our Middle Ages’? Artistic archeology of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) (To the 200th anniversary of her birth)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(2), pp. 123–139. (In Russ.).

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Information about the author: Olga L. Fetisenko — DSc in Philology, Leading Researcher at The Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (IRLI RAS). Address: 4 Markarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024;
одобрена после рецензирования 01.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 07.02.2024;
approved after reviewing 01.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.